

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 23, Is. 1, pp. 12–18, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-23-1-12-18
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(47).048

Zunghars in Southern Russia in the Late 17th Century

Vladimir T. Tepkeev¹

¹ Ph. D. of History, Senior Scientist of the History and Archaeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Elista, Russian Federation).

E-mail: tvt75@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the migration of a part of Zunghars (Dzungar people) from Central Asia to the borders of South Russia in the late 17 century, which still remains insufficiently explored in the historiography.

The further fate of this group of Kalmyks requires more serious and detailed studies. It is known that the Dzungarian ulus of Danzin Tyuri who moved from Ayuka for some reason and joined Tsagan-Batur, was soon divided between two brothers Tsagan-Batur and Baakhan-Manzhi. Baakhan together with the part of his men settled at Taganrog, where he happened to have a personal meeting with the Russian Tsar Peter I. After that meeting, he together with his ulus people took the decision to baptize under the name of Moisey Alekseev. The other part of Zunghars settled among the Don Cossacks, where they subsequently founded the village — Zuyngarskaya. The fate of the taisha Tsagan-Batur is, unfortunately, not yet known, but the research in this section is still ongoing.

Thus, on the basis of newly received archival information we can present one of the least known chapters in the history of the Oirats of the 17 century. Besides, the circumstances and the exact time of the first appearance of Zunghars on the banks of the Volga and the Don as well as written evidence of the main participants of those events are now known.

In the future, we are going to have a more thorough study of the archival material that could shed light on the fate of this group of Kalmyks. Of great interest for us are also the letters, written by Dzungar taishas.

Keywords: Zunghars, Kalmyks, 17 century, Ayuka Khan, southern Russia, Don Cossacks, Azov.

История первого появления джунгаров (зюнгар) в России, особенно в ее южной части, еще не была предметом отдельного исследования. При изучении архивных материалов о калмыках последней трети XVII в., хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), нельзя обойти вниманием и эту тему, тем более, что в русских источниках данное событие представлено достаточно подробно. В основном сведения о появлении джунгаров на юге России содержатся в материалах Посольского приказа и Приказа Казанского дворца, которые частично входят в фонд «Калмыцкие дела» (Ф. 119). Связи джунгарских калмыков с донскими казаками подробно изложены и в материалах фонда «Донские дела» (Ф. 111). Уникальность этих архивных материалов состоит не только в том, что в них отложились подробные сведения официальных органов власти о калмыках, но и в наличии письменных свидетельств того времени. В нашем случае это касается писем джунгарских тайшей, адресованных местным и центральным властям Московского государства.

Среди части донских калмыков сохранилось предание, что будто бы предками их были не волжские калмыки, а представители особой группы выходцев из Джунгарии, ничего общего не имевшей с торгутами Хо-Урлюка и выделившейся из общей ойратской массы гораздо позднее. Под предводительством двух братьев, тайшей Батура и Баахана, эта группа, не задерживаясь у Волги, будто бы проследовала на реку Донец, по-калмыцки *Бузын*, и расположилась кочевьями на первое время в урочище *Экджы-Хойр* [Пальмов 2007: 218].

Действительно, при изучении архивных материалов конца XVII в. мы находим первое упоминание о приходе на Волгу джунгарского улуса 18 января 1687 г., когда царское правительство было извещено, что под Царицын из-под Сибири прибыл улус «черных калмыков» в количестве 3 тыс. улусных людей. Новоприбывшие калмыки кочевали в районе Сарпинского острова на расстоянии версты от самого Царицына. Вышли они из Сибири примерно летом 1686 г., а весной 1687 г. планировали присоединиться к Аюке, который кочевал около Астрахани. О причинах прихода на Волгу царицынские власти не знали, при этом они отмечали, что «в прежних годах такие черные калмыки не прихаживали». Джунгары не создавали им

особых проблем и вполне мирно торговали с местным населением [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1687 г. Д. 1. Л. 3, 4].

Донские казаки также не могли в своих донесениях в Москву не отреагировать на прибытие нового калмыцкого улуса. Они сообщали, что к донским городкам Паншину и Качалину прикочевал некий калмыцкий «Чаган-мирза», который отправил на переговоры к Аюке свою супругу, приходившуюся калмыцкому хану родной сестрой. В то же время он отправил своих послов в Москву с просьбой принять его на службу и указать место для кочевий. Под личностью «Чаган-мирзы» здесь имеется в виду ни кто иной, как джунгарский тайша Цаган-Батур. В мае 1687 г. его представители — Галдан-Доржи, Лобачан-Батур и Эрке-Омбо — прибыли в российскую столицу «бить челом в вечное подданство». Поскольку приход джунгаров совпал с началом русско-турецкой войны, то из Москвы к нему пришел указ им отправиться срочно войной на Крым, и за это их владельцу были обещаны «государевы милость и жалованье» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1687 г. Д. 1. Л. 6, 7; 1688 г. Д. 16. Л. 13, 14].

Именно с этого времени и в течение нескольких лет в русско-калмыцких отношениях на первый план выходят связи царского правительства и указанного джунгарского тайши, которые даже на какое-то время в русских документах отодвинули на второй план деятельность самого Аюки. Приход Цаган-Батура на Волгу имел сложную предысторию, которую необходимо подробно представить в данной работе.

В августе 1687 г. Аюка в своем письме к самарским властям сообщал, что находится в состоянии войны с джунгарским Галданом Бошогту-ханом. Согласно заключенной с царскими властями шерти, тайша просил предоставить ему порох и свинец, а также оказать военную помощь в случае прихода на него джунгарских войск. Калмыцкий посланец Мерген отмечал, что раньше Аюка жил в мире с Галданом, но недавно джунгарский хан прислал к нему послов для того, «что наперед ево Аюкаевы люди отбегали к нему, Бушухту хану, а ныне де от него, Бушухту хана, ево владенья люди пришли к нему, Аюкаю, кочевать». При этом тех людей Аюка у себя «не неволит и [они] живут у него (Аюки. — В. Т.) своею волею» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1687 г. Д. 4. Л. 3, 4; Златкин 1983: 168].

Здесь, конечно, идет речь о приходе джунгарского улуса Цаган-Батура, который доводился сыном Чокуру-Убаши, родному дяде Галдана Бошогту-хана. Еще в 1666 г. русский посол в Джунгарии Павел Кульвинский отмечал, что у Чокура-Убаши есть сыновья Баахан-Манжи и Цаган [Златкин 1983: 142]. Конфликт между родственниками в джунгарском доме возник в начале 1670-х гг. В 1674 г. в Москву прибыло многочисленное ойратское посольство от хошутского Очирту Цецен-хана, джунгарского Чокура-Убаши, их сыновей и других родственников. В письме Чокур-Убаши жаловался на то, что во время своей поездки на богомолье в Тибет на его улус совершил нападение Галдан, которого он называет «расстригой»¹-хутугтой. Отсюда И. Я. Златкин делает вывод, что Галдан напал на улус дяди не раньше осени 1671 г. и не позже лета 1673 г. [Златкин 1983: 163]. В чем же была причина конфликта между родственниками?

Русские источники свидетельствуют, что в конце 1670 г. в результате заговора был убит Сенге, старший брат Галдана². Виновниками убийства признали его старших сводных братьев Цецен-тайджи и Цзотба-Батура. Обращает на себя внимание тот факт, насколько быстро отреагировали на убийство Сенге его сторонники. Не последнюю роль в этом сыграла и его мать Юм-Агас, которая при содействии сторонников и хошутского Очирту сумела расправиться с убийцами ее старшего сына, а затем отправилась в Тибет и привезла в Джунгарию находившегося там своего младшего сына Галдана, попросив предварительно Далай-ламу снять с него духовный сан. Галдан, вернувшись на родину, быстро расправился с заговорщиками, не дав им опомниться и организовать какое-либо сопротивление [Златкин 1983: 151]. Если Цзотба-Батур вместе с сыном был убит сразу людьми Сенге, то Цецену-тайджи с 30 человек удалось укрыться во владении монгольского Сайн-контайши. В числе заговорщиков, организовавших убийство

¹ Священнослужитель, лишенный духовно-го сана или монашества за какой-либо проступок, либо добровольно вышедший из «духовно-го звания».

² Оба брата были сыновьями покойного джунгарского Батура-хунтайджи, рожденными Юм-Агас, его младшей женой и дочерью торгутского Хо-Урлюка. Соответственно, Сенге и Галдан по материнской линии доводились Аюке двоюродными дядями.

Сенге, был и сын Чокура-Убаши, Баахан-Манжи (Булат-Манжи), чей улус также подвергся нападению Галдана [Материалы... 1996: 228]. По всей видимости, участие в заговоре старшего сына Чокура, Баахан-Манжи, явилось причиной, позволившей Галдану заподозрить в возможной причастности к заговору и самого дяди.

Однако окончательное разорение Галданом владения Чокура-Убаши и его детей произошло только после разгрома в 1676 г. улусов хошутского Очирту Цецен-хана. Как сообщает биограф Зая-пандиты, в 1684 г. Галдан разграбил улус Чокура-Убаши [Норбо 1999: 116]. Политика Галдана, направленная на централизацию власти в стране, привела к тому, что многие ойратские владельцы со своими улусами стали покидать Джунгарию и перебираться на другие территории. Часть из них направилась на Кукунор, другая — на Волгу. Например, в 1684 г. один из внуков Чокура-Убаши, Ханьдун-тайджи (сын Баньди), обратился с просьбой к цинским властям принять его в подданство, на что получил согласие и ему были выделены земли для кочевания [Златкин 1983: 169]. В 1678 г. к Аюке прибыла со своим улусом его сестра Доржи-Рабдан, супруга Очирту Цецен-хана. Неоднократные требования Галдана вернуть беглецов имели всегда отрицательный ответ со стороны Аюки, что не могло одновременно не вызвать опасения торгутского правителя о возможности силовых действий джунгарского хана по отношению к нему.

Подписав «Вечный мир» с Речью Посполитой в 1686 г., Россия стала членом антитурецкой коалиции, так называемой Священной Лиги, состоявшей из Австрии, Венеции и Польши, боровшихся с Османской империей и ее вассалом — Крымским ханством. Согласно новому курсу внешней политики России и принятому военному плану, русская армия должна была развернуть наступательные действия против крымских татар. В конце 1686 г. правительство Софьи Алексеевны начало подготовку армии к Крымскому походу. В мае 1687 г. русская армия, насчитывавшая примерно 100 тыс. солдат и возглавляемая князем В. В. Голицыным, выступила из левобережной Украины вместе с донскими и запорожскими казаками и двинулась в сторону Крыма. Когда русские переправлялись через Конские воды, крымские татары подожгли степь, лишив русских лошадей пастбищ. В результа-

те этого командование армии 17 июня приняло решение повернуть назад.

На левом фланге главного наступления был достигнут определенный успех. По сообщению донского атамана Ф. Минаева, когда казаки совместно с «черными калмыками» (джунгарами) шли на соединение с армией В. Голицына, 3 июня на реке Овечьи Воды они разбили значительный крымско-татарский отряд, который возвращался из набега. В результате боя были убиты 500 татар, а в плен взято 50 человек. Также в качестве трофея им достались 400 лошадей, сабли, саадаки и большое количество «иной брони». Были освобождены 90 русских пленников, по рассказам которых, всего в крымском отряде насчитывалось около тысячи отборных перекопских татар под командой Маметжан-мирзы [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1687 г. Д. 9. Л. 7]. На основе архивных сведений можно утверждать, что калмыки, кроме джунгаров, так и не приняли военного участия в Крымском походе В. Голицына. В это время правительство Софьи Алексеевны почти вдвое сократило жалованье тайшам, что, конечно, резко ухудшило и до того непростые русско-калмыцкие отношения. Как результат, Крымские походы В. В. Голицына практически были саботированы Аюкой.

В этот период джунгарский Цаган-Батур оставался единственным, кто из тайшей продолжал поддерживать тесные отношения с донскими казаками. Связи с Москвой он предпочитал также поддерживать именно через казачество. Когда в столицу в конце 1687 г. из Черкаска отправилась очередная зимняя станица, Цаган-Батур воспользовался случаем и прислал на Дон своих посланцев с просьбой взять и их с собой. Джунгарский тайша хотел получить от царских властей ответ только на единственный вопрос: «...если служба нам то будет, и мы кочевать за Волгу не пойдем, а как службы не будет, и мы покочуем за Волгу». Объяснял это Цаган-Батур тем, что за Волгою «всем там ему привольнее». Казаки пошли навстречу и взяли с собой джунгарских посланцев в Москву [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 2. Л. 3, 4, 16].

В январе 1688 г. казачьи представители во главе со станичным атаманом Я. Филиповым и есаулом В. Мартыновым вместе с посланцами Цаган-Батура (пять человек), которых возглавлял Батур Занба (Дзан-Омбо), прибыли в российскую столицу. Посланцы поделились и официальной версией

причины появления джунгарского улуса: «...слыша де тайши их, великих государей, милость к Аюкаю и Солом Сереню, прикочевали по присылке к ним з Дону от казаков з Дарьи реки». Первоначально улус Цаган-Батура остановился у Волги, ниже Черного Яра [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 15. Л. 6, 7].

Из расспросов джунгарских послов и из содержания письма самого Цаган-Батура стали известны некоторые детали участия джунгаров в русско-турецкой войне. Так, тайша с казаками отправил на соединение с В. Голицыным отряд из 500 человек под командой Зайсан-кашки. Во время похода на реке Овечьи Воды в июне 1687 г. было разбито объединенное войско мирзы Батыра, состоявшее из азовцев, ногаев и черкесов. Поскольку трава в степи выгорела, было принято решение вернуться домой, причем этот отряд при возвращении по дороге неожиданно столкнулся на речке Бахмут со станом турок-азовцев, который был ими полностью рассеян. Численность азовцев составляла 1700 человек, их возглавлял некий султан, и они двигались в набег на русские территории. Однако султан после боя с джунгарами вынужден был отказаться от запланированного набега и повернул обратно. Джунгары в результате боя потеряли убитыми всего 40 человек. Вернулся в улус 130 человек [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 2. Л. 12–15; Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 16. Л. 3–5, 7]. По всей видимости, военный успех джунгаров над более многочисленным противником стал результатом внезапной для азовцев копейной атаки калмыцкой конницы.

Уже после Крымского похода Цаган-Батур вместе с 10-летним сыном Араптаном осенью 1687 г. возглавил отряд, совершивший набег под турецкую крепость Азов. Поскольку лучной бой показал свою неэффективность в бою с турками, засевшими в крепости, Цаган-Батур в своем письме просил царские власти прислать ему в качестве жалованья походную пушку и ядра размером с гусиное яйцо, панцирь, свинец, пули, порох, соболей, чернобурую лисицу, красных корольков и жемчуг. В письме его сына Араптана также была изложена просьба прислать ему панцирь, который бы не пробивал выстрел из пищали. Приехавшие в Москву казаки подтвердили военные заслуги джунгарского тайши перед царской властью [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 15. Л. 1–3; Д. 16. Л. 7, 11, 64].

В Москве пошли навстречу и, чтобы поощрить джунгарского тайшу, в мае 1688 г. отправили к нему посланца К. Панфилова с жалованьем. Цаган-Батуру и двум его сыновьям были выделены оружие и доспехи из Оружейной палаты: 3 золоченые пищали (стоимостью в 20 и 15 руб.), 3 наручи, 3 мисюрки, 150 золотых червонцев, порох и свинец в небольшом количестве. Джунгарский тайша отправил в ответ благодарственное письмо, которое 18 сентября привез в Москву его посланец Дамба-кашка [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 7. Л. 1, 20]. Письма также были и от его сыновей Даши, Араптана и Элекбея, а также родственника Галдан-Дарке. Цаган-Батур выражал свою готовность вновь выйти в поход следующей весной [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 13. Л. 4, 5, 7, 8, 20].

Однако приход джунгаров на Дон совпал с борьбой царских властей и казачества с раскольническим движением на юге страны. Еще в начале 1688 г. Цаган-Батур выступил с инициативой силового подавления лагеря раскольников — Чирской старообрядческой пустыни, которая обладала всеми необходимыми атрибутами и влиянием для привлечения казаков, а также пришлых представителей старой веры, укрывавшихся от преследования со всего Московского государства. Уже к этому времени он достаточно серьезно с ними рассорился. После того, как его люди разгромили и сожгли старообрядческую пустынь на реке Чир, джунгарский тайша небезосновательно ожидал от казаков-раскольников возможных ответных военных действий. Например, в документах описывается такой случай, когда весной 1688 г. джунгары, побросав весь свой скот и имущество и схватив жен и детей, на лошадях срочно бежали с Дона. Как оказалось, причиной их бегства стало сообщение неких проезжавших через их улус черкесов о том, что казаки-раскольники идут на них войной [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 13. Л. 1, 2].

Действуя в русле царской политики, Цаган-Батур и его приближенные рассчитывали и на получение достойного жалованья. 18 августа 1688 г. прибыло его посольство во главе с Янкул-Батуром. Послы привезли с собой от своих тайшей 11 писем на старописьменном калмыцком языке. Особый интерес, конечно, представляют три письма Цаган-Батура, наиболее полных по содержанию. Письма от других джунгарских тайшей были весьма краткими, в основном

с приветствием в адрес царей и просьбой прислать в качестве жалованья ту или иную вещь.

В первом письме Цаган-Батур сообщал о своих прошлогодних походах на Крым и под Азов, намечающемся походе против раскольников, о том, что в Астрахани на Армянском подворье были ограблены его люди. Также он представлял своего двоюродного племянника Галдан-Дарке, чей представитель Эрдени-гецюль приехал в составе посольства. В подарок царям от него были присланы *саадак* (лук) и конь. Для себя в качестве жалованья он просил панцирь, пищаль, золотые монеты и жемчуг. Во втором письме Цаган-Батур просил содействия властей в продаже калмыцких лошадей в Москве, а также просил для себя прислать красную кожу, черно-бурую лисицу, соболей, четыре ковра и сукно [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 11. Л. 12–16].

В документах встречаются и письма, присланные от сыновей и ближних людей Цаган-Батура. Так, в числе его сыновей значатся такие имена, как Араптан (посланец Шаран-Батура), Лекбей и Сюнюм. Среди ближних людей встречаются имена Галдан-Данжина, Церен-Доржи и Даши-Галдана [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 11. Л. 17–20, 22, 24, 26, 27].

Как отмечали свидетели, в этот период отношения между Цаган-Батуром и Аюкой были весьма дружескими. Известно, что в 1688 г. они заключили между собой брачный союз: «...взял Аюкай у него, Чагана, за сына своего дочь» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 13. Л. 2].

Интересно проследить за перекочевкой джунгарского улуса, который, вероятно, из-за угрозы нападения казаков-раскольников переместился с Придонья в северном направлении. В сентябре 1688 г. тамбовские жители наблюдали приход джунгаров к реке Савале¹, хоперским вотчинам. Здесь сразу же у них возникли конфликты с местными жителями, о чем последние жаловались в Москву, так как калмыки начали рыбу «из садов волочить», сено травить и земцев хватать [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 7. Л. 1–3]. К концу этого года улус Цаган-Батура уже располагался кочевьями на левобережье Волги, возле Саратова. Отсюда он планировал откочевать за Яик, и есть сведения, что крымский

¹ Савала – средняя река, протекающая в современной Воронежской и Тамбовской областях России.

хан также к нему отправлял подарки с увещеванием, «чтоб он великим государям на службу людей своих не посылал и откочевал бы от Дону прочь и дружбы с донскими казаками не имел» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 13. Л. 18].

Судя по последующим событиям, уговоры и подарки крымского хана все-таки имели какой-то результат, поскольку с конца 1688 г. действия Цаган-Батура в отношении к казакам и правительству носят уже явно недружественный характер.

Нападения на казацкие городки по Хопру, Бузулуку и Дону неких «воровских калмыков» стали отмечаться еще в августе и сентябре 1690 г. Как оказалось, это были люди джунгарского Цаган-Батура, в это время вернувшегося с улусом из дальних кочевий. Именно они атаковали 18 казацких городков, взяли в полон более 300 человек, а на реке Бузулук вырубил и сожгли Высоцкой городок. В районе Пристанского городка, на реке Савале, джунгары взяли в плен четырех казаков и еще четырех убили. Понятно, что казаки мириться с этим не могли и организовали карательные отряды, действовавшие на Хопре и Дону, против указанной группы калмыков. В ноябре из Орлова сообщили, что донцам удалось на одной из переправ захватить в плен Цаган-Батура с частью его людей, а другая часть его людей была уничтожена. Джунгарского тайшу привезли в Паншин, где он предлагал казакам за свою свободу отдать весь русский полон и 300 лошадей. Из Москвы срочно пришел указ в Войско о немедленном переводе этого тайши в Черкасск и ни в коем случае не отдавать его на размен, поскольку «он в калмыцких улусах знатной человек, и мочно за него с калмыцкими тайшами учинить какой крепкой в верности их договор, которой бы был впредь им, великим государем, прибылен и содержателен непременно» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1690 г. Д. 6. Л. 281, 282].

Из последующих документов видно, что джунгарский тайша все-таки каким-то образом сумел договориться с донскими казаками и обрести личную свободу. Однако столкновения с соседями продолжались. В июле 1692 г. башкиры семи волостей Ногайской дороги нанесли внезапный удар по улусу Цаган-Батура. В результате набега им удалось отогнать 3 тыс. лошадей. Джунгарский тайша, собрав 300 человек, сумел организовать погоню и отбить своих лошадей [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1692 г. Д. 1. Л. 43, 44]. В сентябре другой башкирский отряд в

560 человек под командой Девеня Девлетбаева вновь попытался совершить набег на улус Цаган-Батура, кочевавший на реке Темир. Но, не доходя до улуса Галдам-Замсы, джунгары сумели их обнаружить, что позволило им с женами и детьми, побросав имущество, бежать в безопасное место. В результате башкирам досталось 78 верблюдов и 45 лошадей. По сообщению бежавшего из калмыцкого плена бухарца Байбудуча Касимова, летом 1692 г. башкиры в результате набега убили двух родственников Цаган-Батура, Галдам-Замсу и Солумзана, а также его свояка [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1692 г. Д. 1. Л. 71, 72].

Летом 1699 г. башкиры Сибирской дороги разбили сотню «воровских калмыков» на реке Каяте. При допросе пленного калмыка Ункина Кокубулатова оказалось, что это были люди из улуса некоего Данзина Тюри, откочевавшего от Аюки по «неведомо какой ссоре» и присоединившегося к Цаган-Батуру. Этот тайша отправил своих сыновей Янбу и Церена к джунгарскому владельцу «для женитьбы». Стоит отметить, что Цаган-Батур в августе с улусом прикочевал к Самаре и местным властям представлялся как Чаган хан. Он предлагал самарцам торг скотом и верную службу, однако жители предприняли все меры предосторожности во время торга с калмыками [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 54, 56].

Дальнейшее судьба этой группы калмыков требует более серьезного и подробного исследования. Известно, что данный джунгарский улус был вскоре разделен между братьями Цаган-Батуром и Баахан-Манжи. Баахан с частью своих людей поселился под Таганрогом, где произошла его личная встреча с русским царем Петром I, в результате чего он вместе со своими улусными людьми принял крещение под именем Моисей Алексеев. Другая часть этих джунгаров поселилась среди донских казаков, где они впоследствии основали станицу Зюнгарская. Судьба самого тайши Цаган-Батура нам, к сожалению, пока не известна, но исследование в этом направлении продолжается.

Таким образом, на основе новых полученных архивных сведений представлена одна из малоизвестных страниц в истории ойратов XVII в. В частности, теперь известны обстоятельства и конкретное время первого появления джунгаров на берегах Волги и Дона, а также письменные свидетельства главных участников тех событий. В дальнейшем предстоит более основательное ис-

следование архивных материалов, которые могут пролить свет на дальнейшую судьбу этой группы калмыков. Большой интерес вызывают сохранившиеся до наших дней письма указанных джунгарских тайшей, которые еще предстоит изучить и ввести в научный оборот.

Источники

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Литература

- Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М.: Наука, 1983. 333 с.
- Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685 / сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 1996. 560 с.
- Норбо Ш. Зая-Пандита: материалы к биографии / пер. со старомонг. Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчирова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.
- Пальмов Н. Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России / сост., вступит. ст. и примеч. А. М. Джалаевой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 464 с.

Sources

RGADA—*Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts].

References

- Materialy po istorii russko-mongol'skih otnoshenij: 1654–1685* [Materials on the history of Russian-Mongolian relations: 1654–1685]. Moscow, Vost. lit. RAN, 1996, 560 p. (In Russ.).
- Norbo SH. *Zaya-Pandita: materialy k biografii. per. so staromong. D. N. Muzraevoj, K. V. Orlovoj, V. P. Sanchirova* [Zaya-Pandita: materials for the biography. Tr. from Old Mongolian by D. N. Muzraeva, K. V. Orlova, V. P. Sanchirov]. Elista, Kalm. Book Publ., 1999, 335 p. (In Russ.).
- Pal'mov N. N. *Materialy po istorii kalmyckogo naroda za period prebyvaniya v predelah Rossii* [Materials on the history of the Kalmyk people during the period of their incorporation in Russia]. Elista, Kalm. Book Publ., 2007, 464 p. (In Russ.).
- Zlatkin I. Ya. *Istoriya Dzhungarskogo hanstva: 1635–1758. 2-e izd.* [The history of the Dzungar khanate: 1635–1758. 2-nd ed-n]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 333 p. (In Russ.).

УДК 94(47).048

ДЖУНГАРЫ НА ЮГЕ РОССИИ В КОНЦЕ XVII в.

Владимир Толтаевич Тепкеев¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: tvt75@mail.com

Аннотация. Статья посвящена переходу части джунгаров из Центральной Азии в пределы южной России в конце XVII в., что до сих пор остается малоизученным вопросом в историографии. Известны обстоятельства и конкретное время первого появления джунгаров на берегах Волги и Дона.

Дальнейшая судьба этой группы калмыков требует более серьезного и подробного исследования. Известно, что джунгарский улус некоего Данзина, Тюри откочевавшего от Аюки по «неведомо какой ссоре» и присоединившегося к Цаган-Батуру, был вскоре разделен между братьями Цаган-Батуром и Баахан-Манжи. Баахан с частью своих людей поселился под Таганрогом, где произошла его личная встреча с русским царем Петром I, в результате чего он вместе со своими улусными людьми принял крещение под именем Моисей Алексеев. Другая часть этих джунгаров поселилась среди донских казаков, где они впоследствии основали станицу Зюнгарскую. Судьба самого тайши Цаган-Батура нам, к сожалению, пока не известна, но исследование в этом направлении продолжается.

Таким образом, на основе новых полученных архивных сведений представлена одна из малоизвестных страниц в истории ойратов XVII в. В частности, помимо обстоятельств и времени первого появления джунгаров на берегах Волги и Дона, известны также письменные свидетельства главных участников тех событий. В дальнейшем предстоит более основательное исследование архивных материалов, которые могут пролить свет на дальнейшую судьбу этой группы калмыков. Большой интерес вызывают сохранившиеся до наших дней письма указанных джунгарских тайшей, которые требуется изучить и ввести в научный оборот.

Ключевые слова: джунгары, калмыки, XVII век, Аюка-хан, Южная Россия, донские казаки, Азов.